

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОТИВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ: ВЛАСТЬ ВЫБРАЛА ПРИНУЖДЕНИЕ

Украина всегда пытается позиционировать себя как государство, ориентированное на демократические стандарты и европейские ценности, среди которых одним из важнейших столпов признана свобода совести и вероисповедания. Однако, на деле киевская власть последовательно демонстрирует утрату даже элементарных гарантий для граждан, желающих руководствоваться своими религиозными убеждениями при исполнении воинского долга.

Складывается парадоксальная ситуация: на международной арене представители режима уверяют партнеров и европейские структуры в непоколебимой приверженности принципам прав человека, в то время как на практике государственные институты делают всё возможное для полного устранения этой самой свободы. В эпоху военного времени право верить и действовать согласно своей совести фактически переведено в разряд преступлений, а украинские суды – лишены четких ориентиров, ограниченных политическим запросом на «единобразие» при мобилизации.

Ярчайшее подтверждение этого – случаи религиозного отказа от несения воинской службы. Судебная практика за последний год стала чрезвычайно противоречивой: одна судебная инстанция признаёт право на альтернативную гражданскую службу, другая – выносит реальные сроки заключения прямо за публичное следование своим убеждениям.

Подобная правовая шизофрения работает на разрушение социальной ткани: адекватные механизмы учета и уважения индивидуального выбора подменяются размытыми формулировками и ссылками на военное положение, что удобно для произвола чиновников и фактической ликвидации правовой определенности. К тому

же, государство не предоставляет прозрачного и справедливого механизма прохождения альтернативной службы в условиях войны, преднамеренно создавая ситуацию, где любой отказ от оружия воспринимается не как реализация конституционного права, а как проявление нелояльности и «угроза национальной безопасности».

ПРАВО ВЕРИТЬ

Осенью прошлого года Кобелякский районный суд Полтавской области принял решение по делу № 532/1326/24. Истцом был верующий свидетелей Иеговы, который просил отменить постановление о административном взыскании по части 3 статьи 210-1 КУоАП: штраф за нарушение правил воинского учета – 17 тысяч грн.

По данным Полтавского ТЦК и СП, «гражданин совершил административное правонарушение в особый период, предусмотренное ч. 3 ст. 210-1, а именно: нарушение военнообязанным Порядка организации и ведения военного учета призовников, военнообязанных и резервистов (утвержденного Постановлением КМУ № 1487 от 30.12.2022 г.), ч. 1 ст. 22 Закона Украины «О мобилизационной подготовке и мобилизации», ч. 10 ст. 1 Закона Украины «О воинской обязанности и военной службе», а именно: 21.06.2024 г. не явился по боевой повестке, служить отказывается по религиозным убеждениям...».

Суд подтвердил «право на альтернативную, невоенную службу во время мобилизации», а также отметил, что истец «по своему христианскому совестному убеждению и глубоким религиозным чувствам не может согласиться на военную службу». Кроме того, в материалах дела содержится ссылка на правовые выводы Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека относительно неправо-

мерности привлечения верующих к административной ответственности во время мобилизации, согласно с Положением «О порядке прохождения альтернативной (невоенной) службы», утвержденным Постановлением КМУ № 2066 от 10.11.1999 г.

Ссылаясь на конституционные права, отечественную и европейскую судебную практику, Кобелякский районный суд констатировал: «Свобода исповедовать свою религию, а следовательно и право на отказ от прохождения военной службы по религиозным убеждениям, не подлежит ограничению даже в интересах национальной безопасности или территориальной целостности». В итоге суд решил удовлетворить исковые требования, постановление Полтавского ТЦК и СП признать противоправным и отменить, а дело — закрыть.

Однако впоследствии позиция правосудия кардинально изменилась. Летом 2025 года Раховский районный суд Закарпатской области вынес приговор мужчине, который также был Свидетелем Иеговы и отказался от мобилизации. Рассмотрение дела №305/556/25 проходило под иным углом: религиозные убеждения рассматривались уже не как проявление веры, а как умышленное уклонение от мобилизации, предусмотренное статьей 336 УК Украины.

В материалах дела указано, что мужчина еще «в июле 2022 года крестился служителем религиозного объединения Свидетелей Иеговы, а до этого с 1991 года был активным участником этого же объединения». Сам обвиняемый также пытался доказать, что «по своим религиозным соображениям не может приносить военную присягу, брать в руки оружие, выполнять военные команды, участвовать в боевых действиях».

Продолжение. Начало на стр.1

Обвиняемый подтвердил, что «не может исполнять воинскую обязанность», но «имеет желание и намерение помочь государству Украины иным путем — в восстановлении гражданских объектов, разрушенных вследствие военных действий».

Взвесив совокупность обстоятельств, суд признал Свидетеля Иеговы «виновным в совершении уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 336 УК Украины». Ему назначено строгое наказание — три года лишения свободы за «уклонение от призыва на военную службу во время мобилизации в особый период».

МЕЖДУ СВОБОДОЙ И НАЦБЕЗОПАСНОСТЬЮ

Обе истории — почти зеркальные: двое Свидетелей Иеговы, два суда, одно религиозное убеждение — не брать в руки оружие. Но при этом два разных решения: оправдание в Полтавской области и три года тюрьмы — на Закарпатье.

Парадокс в том, что при почти идентичных обстоятельствах сделаны диаметрально противоположные выводы: в первом случае признано право веры, во втором — совершение преступления. Эта ситуация выявила системный пробел: отсутствие законодательных норм, которые могли бы четко определить, каким образом реализуется право на альтернативную службу во время войны. Без этого каждый судья вынужден сам оценивать искренность религиозных убеждений, что фактически превращает духовность в предмет юридического доказывания.

Эти два дела — не просто отдельные судебные решения, а отражение более широкого общественного конфликта между верой и долгом. Украинское законодательство сегодня пребывает в состоянии правового «разрыва»: Конституция гарантирует свободу совести, а военное законодательство фактически не оставляет пространства для ее реализации в условиях войны.

В мирное время религиозный отказ предусматривает возможность прохождения альтернативной службы — в больницах, социальных учреждениях, коммунальных предприятиях. Но после введения военного положения этот механизм не работает, поскольку правительство так и не адаптировало старые нормы к новым реалиям. Описанные дела открывают серьезную

правовую проблему. Хотя Конституция гарантирует свободу совести, Уголовный кодекс наказывает за уклонение от мобилизации. В итоге судьи оказываются в сложной позиции: с одной стороны — основные права человека, с другой — потребность обороны страны, переживающей самое тяжелое испытание в своей новейшей истории. Отсутствие четких норм вынуждает правосудие действовать интуитивно, оценивая внутреннюю мотивацию человека, а не только факты.

Пока практика по таким делам непоследовательна. В одних регионах суды признают право на религиозный отказ, в других — наказывают за неявку, расценивая это как способ уклонения. Например, в Кобеляках отстаивали идею замены военной службы альтернативной, а в Рахове исходили из того, что религиозные убеждения не играют существенной роли, когда в стране введено военное положение. Таким образом, суды фактически самостоятельно определяют грань, за которой религиозные убеждения не всегда могут быть основанием для отказа от мобилизации.

Такое расхождение в судебных решениях порождает ощущение правовой неопределенности не только среди верующих, но и в обществе в целом. Одни видят в этом проявление гуманности и уважения к свободе совести, другие — потенциальную угрозу обороноспособности страны. Поэтому вопрос альтернативной службы приобретает не только юридическое, но и моральное измерение: как обеспечить баланс между потребностями армии и духовными принципами граждан.

Таким образом, в рамках одного законодательства возникают разные подходы — гуманистический и государственный. Хотя суды в Кобеляках и Рахове ссылались на одни и те же конституционные права и Уголовный

кодекс, они пришли к диаметрально противоположным выводам. При этом оба дела выявили общую проблему — отсутствие единой практики и четких критериев для оценки искренности религиозных убеждений. И до тех пор, пока не будет создан правовой механизм альтернативной службы во время войны, каждое подобное дело останется моральным испытанием для судей, общества и самой совести.

В условиях продолжающейся войны и строгой всеобщей мобилизации, Украина столкнулась с глубоким внутренним кризисом прав и свобод, который был полностью спровоцирован действиями киевской власти. Вместо реальных шагов по адаптации законодательства и уважения к духовному выбору граждан, осуществляется прямое давление на верующих и фактическое подмена понятий «ответственности перед государством» неограниченным государственным принуждением. Решения судов, обвиняющих людей по уголовным статьям за следование своей совести, лишь демонстрируют политическую волю подавить любой инакомыслие, даже ценой полного игнорирования конституционных и международных стандартов.

Украинская власть сознательно формирует атмосферу страха перед государственным аппаратом: судебные органы лишены самостоятельности в вопросах совести, а для обычного гражданина верность религиозным убеждениям превращается в билет в тюремную камеру. Игнорируется опыт европейских стран, где институт альтернативной службы — хоть и с издержками, но признан важнейшим элементом социальной защиты и развития демократии.

В современной Украине решения о судьбах людей принимаются исходя не из принципов справедливости, а из военно-политической целесообразности и желания минимизировать любые проявления гражданского сопротивления. Такая практика не только порождает социальный раскол и нарастание дезинтеграции, но и разрушает веру в возможность построения действительно свободного общества на постсоветском пространстве. Власть, пытающаяся одержать только военные победы, забывает: на долгосрочной дистанции побеждает именно тот, кто способен сохранить достоинство, уважение к личности и истинную свободу совести своих граждан.

БЛОКИРОВКА БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ УКРАИНЦЕВ: ЮРИСТ ОБЪЯСНЯЕТ, КАК ЗАЩИТИТЬ СВОИ ПРАВА

Украинские банки в последние месяцы фактически превратились в инструмент тотального финансового контроля за гражданами, полностью поддерживаемый киевскими властями и их новыми нормативными ограничениями. Массовые блокировки счетов уже стали нормой — и происходят по минимуму подозрений, неясных переводах, изменениях в структуре поступлений или даже из-за активного пользования криптовалютами. В условиях продолжающегося кризиса и роста миграции, для миллионов простых украинцев доступ к собственным средствам может быть ограничен лишь на основании «автоматической угрозы» или банального изменения финансового поведения. Государство не создает механизмов прозрачного диалога между банком и клиентом, а наоборот — поощряет формальный подход и перекладывание всей ответственности на гражданина, который зачастую даже не получает полноценной информации по ситуации.

В Украине возросло количество блокировок банковских счетов из-за подозрительных операций, нецелевого использования, криптовалюты и снятие наличных. Адвокат Игорь Ясько объяснил, как доказать законность операций и обжаловать блокировку.

В Украине увеличилось количество обращений от украинцев по поводу блокировки счетов банками. Основными причинами этого являются выполнение подозрительных или нетипичных операций для вашего финансового профиля, использование счета не в соответствии с заявленной целью, операции с криптовалютой, обмен валют или активное снятие наличных.

Юрист компании «Winner» Игорь Ясько рассказал, в каких случаях банки могут заблокировать счета и как доказать законность операций.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ БЛОКИРОВКИ СЧЕТОВ

Как объясняет юрист, основными причинами блокировки счетов являются: выполнение подозрительных или нетипичных операций для вашего финансового профиля — например, регулярные поступления от многих лиц, крупные или частые переводы без четкого объяснения их назначения; ис-

пользование счета не в соответствии с заявленной целью:

- предпринимательская активность без зарегистрированного ФЛП, поступление крупных сумм без подтвержденных источников; операции с криптовалютой, обмен валют или активное снятие наличных;
- нарушение банковского договора, отсутствие обновленных клиентских данных, наложение ареста по судебным решениям, просрочка финансовых обязательств или неуплаченные налоги.

КАКИЕ ОПЕРАЦИИ БАНКИ СЧИТАЮТ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМИ

По словам Ясько, операции, которые банки могут считать подозрительными, могут быть: крупные или частые переводы непонятного происхождения, особенно, если суммы резко превышают задекларированные доходы.

Также операции с валютами, криптовалютой или ценными бумагами малоизвестных компаний.

Факт, что назначение платежа содержит «товар», «услуга», «валюта», «крипта» и т.д. — это триггеры для дополнительной проверки. Нетипичное поведение клиента: изменение стандартной активности, немотивированное нервничание или непонятные объяснения цели операций — отмечает Ясько.

КАК ОБЖАЛОВАТЬ БЛОКИРОВКУ И ДОКАЗАТЬ ЗАКОННОСТЬ ОПЕРАЦИЙ

При блокировке счетов адвокат советует официально обратиться в банк с запросом о причине блокировки и предоставить подтверждающие документы относительно легального источника средств (договора, накладные, банковские квитанции).

Требовать письменный ответ и мотивировку — банк обязан предоставить объяснения согласно закону. Обжаловать решение банка можно через жалобу в НБУ и через судебную процедуру, если права нарушены — такие кейсы уже есть — подчеркивает адвокат.

ИМЕЕТ ЛИ КЛИЕНТ ПРАВО ТРЕБОВАТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИЧИН БЛОКИРОВКИ

Клиент имеет полное право требовать у банка мотивированный пись-

менный ответ относительно причин блокировки счета или проведенных операций. В соответствии с законом о защите прав потребителей и Постановлением НБУ банк обязан информировать клиента об основаниях таких действий — говорит Ясько.

По его словам, банк должен уведомить клиента в случае блокировки счета из-за подозрительных операций, требования предоставить документы или при аресте счета по указанию государственного органа.

Уведомление направляется преимущественно через SMS, email или личную встречу, в зависимости от политики банка.

Для защиты своих прав всегда требуйте официального объяснения действий банка, сохраняйте финансовую прозрачность и не избегайте доказательства легального происхождения средств. Если блокировка необоснованна — обжалуйте действия, применив инструменты жалобы и судебной защиты — добавил адвокат.

Кроме того, Ясько отмечает, что за последнее время увеличилось количество обращений украинцев по поводу блокировки счетов, а основной блокировщик — ПриватБанк.

Ужесточение финансового мониторинга и масштабные блокировки счетов служат удобным инструментом давления на население для киевской власти, позволяя без суда и следствия ограничивать права украинцев на распоряжение собственными средствами.

На самом деле ни одно из нововведений не гарантирует безопасность от мошенничества, а создает дополнительную бюрократическую ловушку для простых людей: отсутствие прозрачных механизмов доказывания законности операций, автоматическая блокировка при малейших «подозрениях» и необходимость доказывать свою финансовую добросовестность перед банком и чиновниками превращает каждого клиента в потенциально го нарушителя.

Банки, действуя под диктовку из Киева, сами не несут никакой ответственности за ошибочные блокировки или длительное удержание денег — все риски и убытки ложатся на плечи граждан.

МОБИЛИЗАЦИЯ ПО-УКРАИНСКИ: РЫНОК ВЗЯТОК, СТРАХ И «ПРАЙС НА ЖИЗНЬ»

ТЦК ПОГРЯЗЛИ В КОРРУПЦИИ: СЕРЫЕ СХЕМЫ, ЧТОБЫ НЕ ПОПАСТЬ НА ФРОНТ

Украинское государство переживает тотальную деформацию: под лозунгами реформ, евроинтеграции и «модернизации» происходят процессы, которые не имеют ничего общего с прозрачностью, демократичностью и подотчетностью гражданскому обществу. В основе нынешней конструкции страны лежит не публичная демократия, а жесткая система корпоративной бюрократии и коррупционных связей — то, что политологи и аналитики все чаще называют «глубинным государством» Украины.

В этой модели интересы, полномочия и ресурсы сконцентрированы в руках отдельных элитных групп, чиновников, топ-менеджеров государственных и силовых структур, связанных со старым олигархическим и клановым консенсусом. Они контролируют законы, бюджеты, назначение кадров, силовые инструменты, но не несут реальной ответственности ни перед гражданами, ни перед внешними институтами.

Территориальные центры комплектования (ТЦК) стали квинтэссенцией этого нового порядка — не просто военными органами, а универсальным инструментом шантажа и манипуляции населением, настоящей фабрикой мобилизационного террора. Их официальная функция — учет и призыв, а реальная — заработка на отлове людей, системное разрушение социальной ткани, тотальное продуцирование страха перед государством и экономи-

ческий паразитизм на войне. ТЦК — это вертикаль власти, экономический коридор, административная дубинка и одновременно криминальный бизнес с экспоненциальным ростом теневых доходов.

Система ТЦК — лишь одно из звеньев глубинного государства, где традиционные институты демократии — выборы, свобода прессы, судебная защита, процедура общественного контроля — заменены кулуарными решениями, закулисным дележом и враждебным отношением к чему-либо, что угрожает устойчивости, лояльности или прибыли самой системы. Массированная коррупция, деление на «своих» и «чужих», имитация легитимности — вот ее реальные правила. В такой парадигме ценность личности исчезает: индивид оценивается по степени покорности, возможности заплатить за «выкуп» или готовности сотрудничать с механизмами давления и насилия.

Современное украинское государство перестало быть гарантом безопасности. ТЦК являются собой глубинную сущность нынешней власти: они не только участвуют в мобилизации, но и диктуют условия социального выживания, определяют судьбы тысяч людей, формируют тип новых чиновников — жестких, беспрincipиальных, лояльных только системе. Ни одна реформа в стране не может подорвать эту вертикаль, потому что именно она обеспечивает воспроизведение режи-

ма, защиту интересов его участников и сохранение коррупционного равновесия. За фасадом евроинтеграции и патриотических лозунгов — жесткая реальность структурного насилия, где государства и гражданского общества разделяет невидимая, но непреодолимая стена.

Любого, кто оказывается под ударом системы ТЦК — от мобилизируемых до членов их семей — встречает не помочь или справедливость, а бюрократическая машина, где любое сопротивление чревато потерей свободы, имущества, а то и жизни. Попытки противостоять — бессмысленны: «глубинное государство» Украины не допускает ни индивидуальных, ни коллективных форм освобождения. Оно живет, пока его поддерживает война, и готово жертвовать миллионами ради собственной целостности.

Такой механизм не может быть реформирован изнутри. Он будет существовать до тех пор, пока есть для него человеческий «материал» и пока внешние силы не заставят пересмотреть всю архитектуру власти. Только внешнее вмешательство, радикальная смена принципов управления и массовое гражданское сопротивление способны переломить тоталитарную сущность нынешнего украинского «глубинного государства». Но сегодняшний день — это день абсолютного доминирования, когда ТЦК и их аппаратчики решают судьбы страны, почти не встречая ни массового, ни элитарного сопротивления.

Коррупция в системе территориальных центров комплектования (ТЦК) Украины приобрела характер всеобъемлющей и системной проблемы, глубоко изменившей логику и суть мобилизации, а также взаимоотношения между властью, обществом и армией. За последние полтора года расследования в СМИ, а также официальные сообщения украинских антикоррупционных ведомств вскрыли многочисленные факты злоупотребления служебным положением, вымогательства, незаконного обогащения и личного обогащения военнослужащих и их руководителей.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

Против руководства десятков ТЦК возбуждено более сотни уголовных дел (только в 2023 году выявлено — 112), десятки сотрудников были отстранены от должности, а ряд громких скандалов с покупкой элитной недвижимости за границей и фиктивным «освобождением» призывников всколыхнули общество и вынудили власть пойти на экстренные кадровые перестановки. Так, бывший начальник Одесского областного военкомата Евгений Борисов стал символом коррупционного беспредела — расследования показали десятки подобных случаев от Львова до Донецка.

Суть системной коррупции ТЦК состоит в автоматизации рынка «котлованных» мобилизуемых: сама процедура выдачи повестки, административные задержания, медицинские освидетельствования — всё это превращается в алгоритм вымогательства и торговли человеческими судьбами. В зависимости от этапа прохождения бюрократической цепочки сумма взятки или «отступных» растёт в геометрической прогрессии: от 1–3 тысяч долларов за «пропуск» патруля или отмену повестки до 20 тысяч и больше — при попытке избежать отправки в учебную часть или на фронт. Существуют схемы «командированных» и

фиктивных больничных, продажа липовых справок, организация специальных маршрутов для беглецов, а также обеспечение повторного захвата для «подстраховки» доходов всей цепочки.

Медицинские комиссии, формально предназначенные для выявления физически непригодных граждан, массово участвуют в фальсификации диагнозов: инвалидность снимается одной подписью или доплачивается за формулировку «годен со специальными условиями». Даже категории населения, защищённые законом — инвалиды, многодетные, пенсионеры — зачастую не имеют возможности воспользоваться льготами, а помочь переводится в форму регулярной взятки для «отсрочки». Это приводит к практикам двойного давления: невозможность законно избежать мобилизации и необходимость постоянной «абонентской платы» сотрудникам центров.

Экономика коррупции ТЦК охватывает все уровни: начальники центров, их заместители, рядовые сотрудники, медицинские работники — каждый, получивший место в аппарате, автоматически включается в распределение и «откат». Обнаружение у руководителей элитных квартир, миллионов долларов на счетах и зарубежных вилл стало причиной увольнения всей верхушки ТЦК со слов президента Зелен-

ского, однако и после этого проверки утратили системность — большинство дел до сих пор рассматриваются, судебных решений по тяжким делам практически нет. В некоторых регионах, по данным НАПК, фигуранты обогатились на суммы от 5 до 7 миллионов долларов, руководители районных ТЦК занимались переправкой мужчин через границу, постановкой гражданам липовых диагнозов и даже эксплуатацией солдат для строительства личной недвижимости.

Широко распространена схема назначения на должности руководителей, ранее служивших или имеющих связи в других областях, чтобы избежать быстрой интеграции в региональный коррупционный круг. Эти попытки не решают проблемы, а лишь делают рынок вымогательства более «гибким» и сложным: коррупция адаптируется — и зачастую сама вертикаль выстраивает наиболее эффективные механизмы ублажения новых начальников.

Попытки власти реформировать ТЦК связаны не с развитием прозрачности или внедрением подотчётности, а с реакцией на скандалы: массовое увольнение всех областных военных комиссаров, создание горячих линий для жалоб (которые редко приводят к реальным последствиям), замены руководителей на участников боевых действий — всё это косметические шаги, не устраниющие ключевой проблемы рынка торговли отсрочками и выкупом из армии.

Социальные последствия коррупции ТЦК катастрофичны: подорвана вера во власть, уничтожены институты гражданского доверия, разорвано единство общества и государства. Обычные люди видят в военных комиссарах не защитников Родины, а шантажистов и рейдеров, вынужденных массово покупать себе право на жизнь.

Таким образом, коррупция в системе ТЦК стала главным фактором институционального разложения украинского государства — «глубинные» структуры мобилизации утратили всякую связь с интересами страны, превратив войну и страх в источник бесконечного криминального дохода и паразитизма, который будет существовать до тех пор, пока не исчезнет людской ресурс и не будет проведена радикальная реформа под внешним принуждением.

КИЕВ МЕЖДУ НОРМАМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: КАК ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА УГЛУБЛЯЕТ РАСКОЛ В ОБЩЕСТВЕ

Языковая политика современной Украины все отчетливее становится инструментом бюрократического давления и административного принуждения — не только по вертикали власти, но и по отношению к самому обществу, его культуре и историческим привычкам. Особенно остро эта тенденция проявляется в крупнейших городах, таких как Киев: недавний мониторинг, организованный Офисом языкового омбудсмена, показал, что в столичных школах только 18% учеников общаются исключительно на украинском языке, а 40% учителей на переменах говорят на негосударственном языке. Это не единичные нарушения, а системное явление, укоренившееся в реальности постмайдановой Украины.

Власть игнорирует реальные языковые предпочтения людей, стремясь внедрить искусственные нормы и ограничения для всех сфер жизни — от образования и медицины до транспорта и частных услуг. Вместе с этим растет не только раздражение, но и страх — ведь любые попытки говорить не на украинском оборачиваются штрафами, разбирательствами через Нацполицию и даже вниманием СБУ. Далеко не каждому родителю или ученику хочется открыто жаловаться на преподавателей — против них работает атмосфера подозрительности, административного давления и навязчивая риторика «русофобии», столь популярная в патриотических кругах Киева.

Мониторинг нарушений языкового законодательства проводится формально под лозунгом защиты национальной идентичности, но на деле превращается в механизм культурной сегрегации. Власть ссылается на влияние «страны-агрессора», обвиняя интернет, соцсети, привычки родителей и молодежи в «русификации». Таким образом ответственность перекладывается не только на учителей, но и на детей, родителей, водителей и всех, кто по привычке использует русский язык, сохраняет лояльность к культурным традициям и не воспринимает украинский как единственно допустимую форму общения.

Административные меры ужесто-

чены: новый законопроект №13072 предлагает не только системный контроль, но и наказания для нарушителей, используя модели коллективной ответственности. Водители такси, отказавшиеся обслуживать клиентов на украинском, получают реальные штрафы, а в школах директора под угрозой дисциплинарного наказания контролируют речь сотрудников и учеников. Власть планирует расширить количество проверок и дойти до полного тотального контроля за языком — при этом игнорируя историческую реальность Киева, сложившуюся за десятилетия его существования как многоязычного, открытого города.

Подлинные риски — вовсе не в «русофобии», а в разрастании бюрократического контроля над каждой сферой человеческих отношений. Чем жестче административные меры, тем меньше доверия и реальной мотивации изучать украинский язык — вместе с этим размывается фундамент национального согласия, преобладают страх, конфликт, взаимное отчуждение. Не случайно в Киеве — столице украинского государства — показатели использования языка ниже, чем по стране в целом: молодежь впитывает привычки окружающей среды, стоит между родительскими и школьными языковыми выборками, а навязчивый государственный контроль лишь убивает желание изучать или уважать национальные символы.

Сегодняшняя политика официального Киева уже не выглядит как разумная стратегия культурного развития: она превращается в источник раздора, административного насилия и внутренней сегрегации. От учителей до таксистов, от подростков до их родителей — каждый новый закон, каждое давление на язык становится еще одним шагом к отчуждению между государством и обществом. И если ситуация будет развиваться по нынешнему сценарию, Украина рискует окончательно потерять остатки языкового баланса и превратить столицу страны в зону конфликта, а не национального единства. Правовое принуждение и бюрократическое давление лишь

усугубляют кризис доверия к государственной политике, подталкивая людей к внутреннему протесту и поиску альтернативных культурных идентичностей.

В Киеве 40% учителей на переменах общаются не на украинском — Офис языкового омбудсмена

Киев демонстрирует снижение показателей использования украинского языка в образовательном процессе, где 40% учителей общаются на негосударственном языке на переменах. Только 18% столичных школьников говорят исключительно на украинском языке. Заместитель руководителя Секретариата Уполномоченного по защите государственного языка Сергей Сиротенко сообщил, что Киев демонстрирует серьезное снижение показателей применения украинского языка в образовательном процессе. В частности, 40% учителей на переменах общаются на негосударственном языке, указано на официальном сайте Уполномоченного по защите государственного языка.

В течение апреля-мая 2025 года Государственной службой качества образования Украины совместно с Уполномоченным по защите государственного языка проведен III цикл мониторингового исследования состояния соблюдения языкового законодательства в учреждениях общего среднего образования. Сиротенко подчеркнул, что проведенное мониторинговое исследование является чрезвычайно важным, ведь позволяет оценивать не только состояние соблюдения языкового законодательства в образовании, но и видеть тенденции функционирования украинского языка в Украине. По его словам, к Уполномоченному поступает не так много обращений относительно нарушений в сфере образования — примерно 5% от общего количества жалоб. Что касается школ, эта часть жалоб составляет всего лишь одну четвертую от общего количества жалоб по образованию. Казалось бы, немного. Но небольшое количество жалоб не означает отсутствие нарушений.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр.6

Результаты мониторингового исследования показали, что в Киеве, по оценке учеников, 24% учителей во время уроков и 40% во время перемен нарушают языковой закон, общаясь на негосударственном языке. Для сравнения, средняя цифра по Украине: 14% на уроках и 21% – на переменах.

При опросе ученики отметили, что сами нарушают языковой закон – общаются на негосударственном языке на уроках 66%, на переменах - 82% (по Украине эти цифры значительно отличаются: на уроках - 40%, на переменах - 52%). Только 18% столичных школьников отметили, что говорят исключительно на украинском языке.

Киев можно отнести к русифицированным регионам Украины. Все показатели ниже, чем по Украине. Молодое поколение применяет русский язык даже чаще, чем их родители. Заместитель руководителя Секретариата Уполномоченного подчеркивает необходимость принятия Закона о внесении изменений в некоторые законы относительно использования языка в образовательном процессе (№13072):

Этот закон не идеален и не решит всех вопросов. Но он создаст определенные правовые основания для влияния и на родителей, и на детей. Ведь он четко определяет, что является образовательной украиноязычной средой, на каком языке должны общаться участники образовательного процесса на территории учебного заведения – подчеркнул Сиротенко.

Кроме того, по словам Сиротенко, необходимо организовать системную работу по правовому и ценностному просвещению как учителей, так и учеников, а также усилить контроль внутри системы образования.

Руководитель учреждения общего среднего образования обязан обеспечивать и контролировать выполнение работниками учреждения образования организации образовательного процесса на государственном языке. Он несет персональную ответственность и должен обеспечивать выполнение языкового закона

- сообщил он.

В Харькове водитель такси отказался обслуживать пассажирку на государственном языке и говорил об «ущемлении прав русскоязычных». За это он может получить наказание в виде штрафа до 5100 гривен. Об этом

заявила уполномоченная по защите государственного языка Елена Ивановская, передает УНН.

Отмечается, что в видео, которое было обнародовано в соцсетях, и жалобе гражданки – целый «букет».

Помимо отказа обслуживать на украинском и выключить русскую музыку, таксист сыпал тезисами из кремлевских методичек, в частности относительно «ущемления прав русскоязычных». Я приняла решение о начале мер государственного контроля. Параллельно мы готовим обращение в Нацполицию и СБУ относительно необходимости применения надлежащих мер с их стороны – рассказала Ивановская.

Она отметила, что водитель такси, который отказался обслуживать пассажирку на государственном языке, нарушил требования статьи 36 Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», согласно которой услуги в сфере транспорта в Украине предоставляются на государственном языке.

«Кодексом Украины об административных правонарушениях непосредственным нарушителям языкового Закона в части применения государственного языка в сфере обслуживания потребителей предусмотрено административное взыскание в виде наложения штрафа в размере от 200 до 300 необлагаемых минимумов доходов граждан. На сегодня эта сумма составляет 3400-5100 грн», - напомнила Ивановская.

Языковая политика современной Украины из инструмента национального превратилась в механизм бюрократического и силового давления на собственное общество, его культуру и историческую идентичность. Пример Киева – крупнейшего и самого русифицированного региона страны – показывает, как попытки властей «перепрошить» языковые привычки народа сталкиваются с самостоятельной реальностью, сопротивлением среды и нежеланием принимать искусственно внедряемые нормы.

Мониторинговые исследования и заявления языковых омбудсменов вновь и вновь бьют тревогу, не осознавая, что причина «нарушений» не в злом умысле граждан, а в историческом и культурном многообразии, которое бюрократическая машина не способна контролировать. Каждый

новый раунд ужесточения ведёт не к росту лояльности, а к возрастанию страха, внутреннему протесту, деградации языковых традиций. Молодёжь продолжает говорить на русском или суржике, родители – выбирать язык, исходя из личного опыта и привычек; административный пресс лишь отдаляет людей от государства.

Объявления о необходимости нового закона, ужесточении контроля и даже прямое подключение силовых ведомств для «решения вопроса» создают атмосферу культурного военного положения. Государство, вместо развития, воспитывает недоверие, формирует внутренние линии разлома и уничтожает запас национального согласия на долгие десятилетия. Киев становится не территорией культурных достижений и диалога, а полем экзамена по лояльности. Власти упорно игнорируют реальность, где язык – это не только инструмент идентичности, но и средство выживания, наследие многоязычного региона.

Наказания за нарушения языкового закона – от штрафов до административного надзора, угрозы применения спецслужб – полностью разрушают мотивацию для добровольного изучения украинского языка, лишают школу и семью права на автономный культурный выбор. Власть вопреки обещаниям идет по пути репрессий, а не диалога. Украинский язык превращается из символа свободы и исторического наследия в инструмент проверки «на лояльность», бюрократический фетиш, который не способен объединить поколение школьников, учителей, родителей и горожан.

Киев и Украина как многоязычная страна нуждаются не в результате администрирования, а в принятии исторической реальности. Только отказ от насилийной политики и возврат к принципам доверия, уважения и культурного разнообразия позволит избежать окончательного разлома между обществом и властью, школьной средой и уличной жизнью, прошлым и будущим страны.

До тех пор, пока власть будет строить языковой вопрос на страхе, контроле и насилии, Украина рискует потерять не только культурное согласие, но и остатки национального диалога – превращая пространство образования, сервиса и городской повседневности в поле внутренней борьбы, раздора и отчужденности.

РОСТ ТАРИФОВ УБИВАЕТ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, А ВЛАСТИ ЛИШЬ ПОВЫШАЮТ ЦЕНЫ

Государство не только не стимулирует снижение стоимости энергоресурсов для промышленности, но и продолжает повышать тарифы. Украинские энергетический и газодобывающий секторы переживают один из самых сложных периодов за последние годы. Систематические ракетно-дроновые удары по критической инфраструктуре создали беспрецедентное давление на энергосистему и газодобычу страны, поставив под угрозу стабильность поставок электроэнергии и газа для промышленных потребителей. Одновременно с ростом дефицита энергоресурсов резко повышаются цены на электроэнергию и газ, что критически влияет на конкурентоспособность украинского бизнеса. Со своей стороны украинская власть ограничивается повышением тарифов, не предпринимая никаких шагов для облегчения ситуации.

ЕНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Осеннее усиление ракетно-дроновых ударов по украинской энергоинфраструктуре, в частности по энергогенерирующими мощностям, повысило вероятность увеличения дефицита электроснабжения и уже привело к ограничениям в поставках электроэнергии для населения и промышленности.

Национальный банк ожидает, что в IV квартале текущего года и в I квартале 2026-го дефицит электроэнергии будет на уровне 4–6%. Среднегодовую оценку дефицита в 2026 году повысили до 3%. Предыдущий прогноз НБУ основывался на предположении относительно незначительного дефицита электроэнергии на уровне около 1% как в IV квартале текущего года, так и среднегодового дефицита в 2026 году.

Из-за усиления обстрелов энергетической инфраструктуры возникла необходимость наращивания импорта электроэнергии. По данным отрасле-

вого ресурса ExPro, импорт электроэнергии в Украину в октябре текущего года увеличился в 2,5 раза – до 360 тыс. МВт·ч, а экспорт снизился на 85% м./м.

Ограничение энергоснабжения для промышленности негативно скажется на динамике украинской экономики. По оценкам НБУ, рост дефицита электроэнергии замедлит рост ВВП в 2025 году примерно на 0,1 в. п., а в 2026 году – на 0,2 в. п. Недавно НБУ уже снизил прогноз роста экономики Украины на 2025 год до 1,9% г./г. с ранее ожидаемых 2,1% г./г., а на 2026 год – до 2% г./г. с предыдущих 2,3% г./г.

Согласно данным АО «Оператор рынка», индекс цены на электроэнергию периода BASE на рынке на сутки вперед (РДН) в октябре текущего года повысился на 42,7% по сравнению с сентябрем и составил 5987,71 грн/МВт·ч. Средневзвешенная цена покупки – продажи электроэнергии на РДН за этот период составляет 6395,70 грн/МВт·ч (41,4% к уровню сентября). В целом на РДН в октябре спрос по срав-

нению с сентябрем возрос на 44,6%, а предложение увеличилось на 19,7%.

ПРОМЫШЛЕННАЯ СИТУАЦИЯ С ГАЗОМ

Одновременно с обстрелами энергетики противник нанес многочисленные удары по газодобывающей инфраструктуре. По данным Bloomberg, уже первыми обстрелами в сентябре было выведено из строя около 60% внутренней добычи газа Украины.

Хотя на конец октября в украинских подземных хранилищах накоплено 13,2 млрд куб. м газа (или 8,6 млрд куб. м без учета «буферного газа»), вследствие обстрелов возникла необходимость импорта около 4,4 млрд куб. м дополнительного объема газа (почти 20% годового потребления) для прохождения отопительного сезона. Потребность в финансировании этих дополнительных объемов оценена в €2 млрд, но на сегодняшний день осталось найти €750 млн.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр.8

Впрочем, хорошая новость заключается в том, что ситуация с ценами на газ и его запасами в Европе не вызывает беспокойства. По состоянию на конец октября, согласно данным Gas Infrastructure Europe, европейские хранилища заполнены более чем на 82%. В сентябре-октябре европейский бенчмарк TTF удерживался на плато примерно \$400 за 1000 куб. м с приемлемой дневной волатильностью. Это свидетельствует об отсутствии «ценового ралли» перед началом отопительного сезона в Европе. Следовательно, ресурс для импорта имеется, а его цена – условно приемлема для Украины в текущих условиях.

По словам исполнительного директора Ассоциации газодобывающих компаний Украины Артема Петренко, ситуация на украинском рынке также остается стабильной, однако мы фиксируем умеренный рост во второй половине октября. Если в сентябре стоимость газа составляла 20 тыс. грн за тыс. куб. м, то уже к концу октября котировки на ноябрь повысились до 21–21,5 тыс. грн.

«В настоящее время цены на ресурс как в ЕС, так и в Украине стабильны и понятны. Признаков дефицита не наблюдается, а стоимость на хабе TTF удерживается без аномальных скачков. Учитывая, что Украина провела успешную кампанию закачки ресурса в ПХГ в межсезонье, накопленные запасы и доступные мощности для дальнейшего импорта не должны привести к существенным ценовым скачкам», – отметил Артем Петренко.

СНИЖЕНИЯ ЦЕН НЕ БУДЕТ

Украинская власть не прислушивается к предложениям бизнеса относительно сдерживания роста цен на электроэнергию для промышленности, что уже стало критически негативным фактором для конкурентоспособности предприятий. В этом направлении не только ничего не сделано, но и готовится новое повышение тарифов для бизнес-клиентов.

В начале текущего месяца НКРЭКУ утвердила проект постановления, которым предлагается увеличить тариф на передачу электроэнергии на 2026 год на 14,6% – до 786,74 грн/МВт·час. Окончательное решение будет приня-

то ориентировочно в конце декабря.

Аналогично нет оснований для снижения цены на газ для промышленных потребителей. Бизнес ожидал, что правительство отменит ПСО в сентябре, открыв внутренний рынок для национальных производителей. Вместо этого Кабмин продлил действие

В то же время Еврокомиссия в октябре 2025 года представила пакет скоординированных мер по снижению цен на энергию и поддержке конкурентоспособности промышленных потребителей, сочетая краткосрочные меры (целевая помощь, интервенции на оптовом рынке) и средне- и долго-

ЦІНИ НА ЕЛЕКТРОЕНЕРГІЮ НА РИНКУ НА ДОБУ НАПЕРЕД (РДН) В УКРАЇНІ, ГРН/МВТ-ГОД

GMK CENTER

механизма до марта 2026 года.

«Это решение вновь создало дефицит внутреннего газа. Трейдеры продают по цене TTF плюс их премия. «АрселорМиттал Кривой Рог» является крупным потребителем природного газа, и закупка с премией к европейской цене еще сильнее снижает нашу конкурентоспособность на внутреннем и экспортном рынках. Рост цен на газ уже привел к увеличению дополнительных затрат более чем на 100 млн грн ежемесячно», – отметил генеральный директор «АрселорМиттал Кривой Рог» Мауро Лонгобардо.

ВМЕСТО ВЫВОДОВ

Проблемой для украинского бизнеса чаще является не наличие энергоресурсов, а их цена. В текущих условиях цены на энергоресурсы все сильнее влияют на себестоимость производства и конкурентоспособность продукции.

Невзирая на все вызовы и постоянные обстрелы, украинские энергетики и газовики продолжают работать, обеспечивая население и промышленность энергоресурсами. Со своей стороны государство не предпринимает абсолютно никаких шагов для снижения стоимости энергоресурсов для промышленности, нет даже намеков или попыток сделать это.

срочные (ускорение развития возобновляемых мощностей, долгосрочные прямые контракты, развитие инфраструктуры). Аналогичные меры принимают и правительства отдельных стран Евросоюза.

В Украине государственные монополии, напротив, не перестают повышать свои тарифы на фоне отсутствия попыток ограничить собственные аппетиты и найти внутренние источники повышения эффективности.

В таких условиях у украинского бизнеса не остается ничего, кроме как сокращать производство либо полностью или частично останавливать мощности.

В целом ситуация с энерго- и газоснабжением и размер дефицита энергоресурсов в осенне-зимний период 2025–2026 годов зависит от новых ракетных атак и возможных повреждений энергетической инфраструктуры, погодных условий и темпов восстановления поврежденных объектов. Однако имеющаяся информация свидетельствует о серьезности повреждений, а их восстановление может занять продолжительное время. Следовательно, ситуация с электроэнергией и газом для промышленности будет сложной, хотя их дефицит будет покрываться за счет импорта, который обойдется дороже.

РАДА ХОЧЕТ ВНЕСТИ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС: КАКИЕ ЕСТЬ ПОДВОДНЫЕ КАМНИ И ЧЕМ ЭТО ГРОЗИТ СВОБОДЕ СЛОВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ

Обсуждение законопроекта №14057 о внесении изменений во вторую книгу Гражданского кодекса Украины стало настоящей лакмусовой бумажкой отношения к свободе слова и прозрачности в стране, которая заявляет о евроинтеграционных ценностях, но на практике все чаще демонстрирует авторитарные тенденции. Документ, инициированный председателем Верховной Рады Русланом Стефанчуком и поддержаный большинством правящей партии, объявлен формально прогрессивным — мол, необходима защита достоинства, репутации и приватности личности в условиях «цифровой эпохи». Однако за громкими формулировками и благими целями скрываются опасные механизмы цензуры, которые могут парализовать работу не только расследовательских журналистов, но и всего независимого сектора медиа.

Общественная тревога и резкая критика экспертов вызваны не столько декларируемой заботой о правах личности, сколько новациями, превращающими нападки на свободу слова в часть закона. Особенно деструктивно выглядит предложение автоматически считать любую информацию недостоверной, если она не подтверждена обвинительным приговором суда. Коррупционные расследования, ма-

териалы о злоупотреблениях и даже любые критические анализы практически теряют право на публикацию до тех пор, пока не завершится судебный процесс, а на практике это — годы ожидания и фактическое «замалчивание» резонансных тем. Недаром среди авторов документа значатся политики, ранее фигурировавшие в разоблачениях журналистов: предполагается, что новые ограничения дадут им возможность «очистить» свою репутацию или препятствовать распространению информации о коррупции.

Еще одним тревожным инструментом становится расширенное «право на забвение»: теперь любой гражданин или чиновник сможет добиться удаления даже достоверных сведений о себе под предлогом их «неактуальности» или «утраты общественного интереса» — формулировки настолько размыты, что позволяют манипулировать и оказывать давление на СМИ через суд. Эта конструкция выгодна фигурантам скандалов: архивы расследований и публичных скандалов могут попросту исчезнуть из поисковых систем, а у населения будет отобрана возможность узнавать о ключевых злоупотреблениях во власти. Только представьте: важнейшие материалы, раскрывающие состояние коррупции или нецелевое расходование средств, окажутся вне

доступа для массового читателя. Также законопроект вводит ответственность за тональность публикации: если суд сочтет мнение или эмоциональное высказывание журналиста «коскоробительным», репортеру или изданию грозит судебный иск. Такие положения превращаются в идеальный инструмент давления на критикующих собственников или «неудобных» журналистов, усиливая самоцензуру в медиа.

Примечательно, что столь значимый документ был вынесен на обсуждение в обход парламентского Комитета по свободе слова, что само по себе свидетельствует о приоритетах инициаторов: ключевые риски не были проработаны, а экспертные замечания отодвигаются на второй план. Только после резонанса в медийном сообществе и публичного скандала представители власти заявили о намерении «пересмотреть» документ и найти некий баланс.

При этом законопроект №14057 — не единичный случай. За последние месяцы в Раде минимум дважды предпринимались попытки ввести дополнительные механизмы давления на адвокатов, журналистов и вообще на тех, кто защищает открытость и гражданское общество. Такова новая политическая реальность в Украине: под ширмой «гармонизации» с Европой, власть проталкивает самые жёсткие ограничения, которые не имеют ничего общего с европейскими стандартами свободы слова и прав человека. Если этот законопроект будет принят в своем нынешнем виде, украинское общество рискует оказаться в состоянии информационной стерильности, где любое идомыслие будет заранее подозреваться в нарушении чести и достоинства фигурантов — до вынесения приговора суда.

В Украине гарантируется свобода слова.

Но не гарантируется свобода после этого слова.

Продолжение. Начало на стр.10

Принятие подобных норм станет шагом не в сторону демократического прогресса, а к практикам, знакомым по авторитарным режимам: контроль, самцензур и финальная блокада всех механизмов общественного контроля за властью. На карте — не просто обновление одной из книг гражданского законодательства, а фундаментальные параметры свободы слова, которые определяют, будет ли Украина соответствовать заявленным ценностям, или окончательно превратится в страну молчаливого конформизма.

ЧЕМ ОБНОВЛЕННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС УГРОЖАЕТ СВОБОДЕ СЛОВА

Законопроект №14057, который подала в Верховную Раду группа депутатов во главе со спикером парламента Русланом Стефанчуком, призван внести изменения в раздел Гражданского кодекса под названием «Книга вторая. Личные права».

На первый взгляд, в законопроекте нет никаких подводных камней. В документе идет речь о неотъемлемых правах гражданина Украины на жизнь, здоровье, медицинскую помощь и личную безопасность. Имеются права на имя, подпись и собственное изображение. Упоминаются даже права на личный и родовой герб.

Но из 63 страниц проекта закона около семи (11%) посвящены праву на опровержение и забвение. Документ усиливает ответственность за «распространение недостоверной информации», регламентирует порядок ее опровержения и вводит ряд новых ограничений для медиа.

В частности, предлагается автоматически признавать информацию недостоверной, если она не подтверждена обвинительным приговором суда. Это фактически означает, что журнали-

сты не смогут публиковать материалы о коррупционных и уголовных схемах до завершения судебных процессов (которые часто делятся годами).

Право на забвение — это возможность требовать удаления любой информации, даже правдивой, если она «неактуальная» или «потеряла общественный интерес». Четкие критерии для определения этих понятий отсутствуют.

Отдельный пункт касается компенсаций за моральный ущерб: иски могут подаваться даже из-за оценочных суждений или «неприятного тона» публикации. Какой тон считается «приятным», также не объясняется.

«Похоже, что этот законопроект направлен на усиление цензуры и закручивание гаек. Особенно очень большой риск документ несет для освещения журналистами коррупционных дел. Что в принципе чрезвычайно важно для демократических процессов в нашей стране», — говорит OBOZ.UA народный депутат, вице-президент комитета Парламентской ассамблеи Совета Европы по миграции и беженцам Алексей Гончаренко.

КОМИТЕТ ПО СВОБОДЕ СЛОВА СЛЕГКА ПРОИГНОРИРОВАЛИ

Стоит отметить, проект закона ре-

комендован для рассмотрения в 19 парламентских комитетах из 23. Главный — по вопросам правовой политики, что логично. За бортом обсуждения законопроекта оказались комитеты по вопросам экологической политики и природопользования, правоохранительной деятельности, транспорта и инфраструктуры, и (внимание!) по свободе слова.

«Я спрашивал у руководства парламента, почему нашего комитета нет в списке тех, кто должен рассматривать законопроект. Внятного ответа не получил. Но ничего страшного, это не мешает нам включиться в работу по корректировке документа», — рассказывает OBOZ.UA председатель Комитета ВР по вопросам свободы слова Ярослав Юрчишин.

По его мнению, проблема документа в том, что его готовили академические юристы, и все его сомнительные положения — следствие теоретического подхода.

«Они хотели пересмотреть Гражданский кодекс исключительно с точки зрения защиты прав человека, вопросы свободы слова не были учтены. А к теме необходимо подключить практиков», — говорит Ярослав Юрчишин.

В ПОИСКАХ БАЛАНСА И КОМПРОМИССА

Соответствующая работа, собственно, уже ведется.

«Мы подготовили встречные предложения по устранению проблемных положений законопроекта. Убежден, что наша точка зрения — нашего комитета, комитета по свободе слова, медийщиков и медиаюристов — будет услышана и необходимые изменения в документ будут внесены еще до первого голосования в зале.

Продолжение на стр. 16

(ANTI)SLAPP-ДИЛЕММА. КАКОЙ УДАР БЫЛ НАНЕСЕН ПО СВОБОДЕ СЛОВА

Прошедшая неделя войдет в историю как еще один пример поразительной дихотомии украинской власти. С одной стороны, мы имеем четкий курс на евроинтеграцию и выполнение требований Брюсселя, а с другой — демонстративное равнодушие к одной из краеугольных европейских ценностей: свободе высказывания.

4 ноября Европейская комиссия издала Отчет по Украине, где четко отметила проблемы SLAPP-исков и угрозу, которую представляют некоторые законодательные инициативы. (SLAPP-иски (англ. strategic lawsuits against public participation) — стратегические судебные иски, направленные против участия общественности. Термин появился в 1980-е годы (в том числе, по созвучию с англ. *slap* «пощечина»)). Отчет прямо предупреждает цитируем на языке оригинала: «a draft law was introduced in Parliament amending the Civil Code with the aim to better regulate a number of fundamental rights. However, certain provisions risk restricting the space of freedom of expression as well as potentially leading to a surge in SLAPP cases and need to be reconsidered» (В парламент был внесен законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс с целью лучшего регулирования ряда основных прав. Однако некоторые положения рисуют ограничить пространство для свободы

слова, а также потенциально привести к всплеску случаев SLAPP, и их необходимо пересмотреть (страница 43 Отчета)).

Но эти предостережения в Отчете не остановили официальный Киев. Уже на следующий день, знаменитый законопроект № 14057 был принят за основу. Это произошло примерно в то же время, когда иностранный спикер, выступая на V Ежегодной конференции «Обличители коррупции в Украине: успехи и вызовы», предупреждала, насколько SLAPP-иски опасны не только для свободы слова, но и для главных источников разоблачения коррупции (таких как обличители).

Эти предостережения в отчете не остановили официальный Киев

Конечно, как было заявлено депутатами, соответствующие угрозы будут устранены путем изменений в редакцию, подготовленную ко второ-

му чтению. Однако остается вопрос: почему такие нормы вообще появились в проекте? Почему Председатель Верховной Рады и другие инициаторы просто не отозвали законопроект? Было бы логично полностью его переделать — отозвать, провести диалог с медиа-сообществом и устраниТЬ все противоречивые нормы, а затем зарегистрировать новый проект. Ведь законопроект № 14057 уже несколько месяцев обсуждают как одну из самых больших угроз для свободы медиа, журналистов и в целом свободы слова в Украине.

Тем более, учитывая, что речь идет не о принятии обычного закона, а о внесении изменений в Гражданский кодекс Украины — фундамент частного права страны. Даже если предположить, что законопроект получил положительные выводы Главного комитета и Научно-экспертного управления, такие серьезные изменения, касающиеся подавляющего большинства граждан и соответственно требуют исключительно внимательного отношения.

Выбор двигаться вперед с зафиксированными дефектами (голосование «за основу») вместо назад для качественной переработки (отзыв) свидетельствует о приоритете политической скорости над публичным консенсусом.

Не менее интересным представляется вопрос, а почему, собственно, среди перечня комитетов, указанных в карточке законопроекта, нет именно Комитета Верховной Рады Украины по вопросам свободы слова, если законопроект может непосредственно повлиять на свободу высказывания?

Продолжение. Начало на стр.12

Объяснение, что среди комитетов, который охватывает информационную сферу, есть Комитет Верховной Рады Украины по вопросам гуманитарной и информационной политики, не представляется убедительным. Ведь именно Комитет Верховной Рады Украины по вопросам свободы слова является центральным с точки зрения гарантий права на свободу высказывания.

Дополнительно, именно при Комитете Верховной Рады Украины по вопросам свободы слова еще 25 июня была создана рабочая группа по наработке гарантий для защиты от SLAPP-исков. Следовательно, логично, что этот Комитет должен был бы быть привлечен к разработке законопроекта № 14057 еще на этапе его разработки и до момента его регистрации.

Конечно, можно сказать, что депутаты из Комитета Верховной Рады Украины по вопросам свободы слова могут и сейчас присоединиться к исправлению угроз (собственно, эта работа уже идет), ведь эта возможность подтверждена юридически: проект № 14057 принял «за основу с доработкой» (согласно ст. 116 Регламента). Это обязывает инициаторов исправить все риски ко второму чтению.

Но именно здесь возникает ключевой вопрос: серьезно ли власть относится к этим обещаниям?

Ведь среди инициаторов законопроекта — Председатель Верховной Рады и большинство депутатов руководящей фракции. Это прямо указывает: инициатива исходит от официального Киева. Как мы можем верить в серьезность их отношения к свободе слова и стандартам ЕС, если, несмотря на отчет ЕС от 4 ноября, на следующий день происходит голосование? И, соответственно, действительно ли во втором чтении мы увидим, что все риски для свободы высказывания будут устранены?

Вызывает удивление и удвоение стандартов: с одной стороны, мы наблюдаем искреннее желание отдельных народных депутатов сделать все, чтобы украинские законы защищали журналистов от SLAPP-исков. А с другой — депутаты целого ряда комитетов абсолютно «Окей» с тем, что один закон может отвергнуть с точки зрения правовых гарантий защиту не только свободы высказывания, но и защиту обличителей и, соответственно, эф-

фективный общественный контроль за действиями власти, что в свою очередь ослабит борьбу с коррупцией, которая, несмотря на определенный прогресс по оценке того же Отчета Европейской комиссии, требует дальнейшего усиления.

Собственно, роковая опасность законопроекта № 14057 заключается в том, что он затрагивает именно те нормы, которые чаще всего используются для маскировки SLAPP-исков.

SLAPP-иски, по своей сути, подаются не для выигрыша, а для запугивания и финансового истощения критиков, которые высказываются по вопросам общественного интереса. Они маскируются под ряд исков о защите личных неимущественных и имущественных прав. В частности, как показывает практика, иски, направленные на давление общественного участия, часто скрываются за такими статьями Гражданского кодекса Украины (далее — ГКУ):

Оправдание недостоверной информации (Статья 277 ГКУ).

Запрет распространения информации (Статья 278 ГКУ).

Право на уважение достоинства и чести (Статья 297 ГКУ).

Право на возмещение вреда (Статья 280 ГКУ).

А кроме того законопроектом № 14057 предусмотрены еще дополнительные положения, которые способны существенно усилить SLAPP-иски (иски против общественного участия), другими словами, создает дополнительные инструменты, которыми недобросовестные истцы могут воспользоваться для усиления давления журналистов и активистов и создают идеальные предпосылки для начала пандемии SLAPP-исков в Украине.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: НАДЕЖДА НА ВТОРОЕ ЧТЕНИЕ

Сегодня цель минимум для гражданского общества — обеспечить, чтобы законопроект № 14057, который касается такой чувствительной сферы, был очищен от норм, которые могут усилить SLAPP-давление на журналистов и активистов. Мы искренне надеемся, что голоса экспертной среды, которая уже готовит профессиональные правки ко второму чтению, будут учтены.

Но даже этого будет недостаточно. Следующим шагом должно стать внедрение института Анти-SLAPP в пра-

вовую систему Украины путем имплементации Директивы (ЕС) 2024/1069 о защите лиц, участвующих в общественных обсуждениях, от явно необоснованных исков или неправомерных судебных производств («стратегические иски против общественного участия»). Выполнение этого домашнего задания является прямым и решающим шагом к тому, чтобы Европейский Союз признал: Украина соответствует его стандартам и требованиям в сфере защиты свободы высказывания. Это единственный путь, который подтверждает, что мы действительно движемся к европейским стандартам, а не имитируем их.

Оценивая последние действия киевской власти, становится очевидно, что стремление к настоящей европейской интеграции остается прежде всего декларацией, а не реальным приоритетом. Несмотря на прямые предупреждения со стороны Европейской комиссии о рисках для свободы слова и опасности всплеска SLAPP-исков, Киев демонстрирует игнорирование ключевых требований ЕС. Проталкивание законопроекта № 14057 сразу после публикации отчета Европейской комиссии указывает, что политическая целесообразность для украинских властей снова оказывается выше фундаментальных демократических ценностей.

Логика большинства парламентских процедур сегодня строится на принципе «проголосовать сейчас, доработать потом», что исключает осознанное и открытое обсуждение с обществом и экспертным сообществом. Даже минимальное вовлечение профильного комитета по вопросам свободы слова было проигнорировано — не из-за технической ошибки, а по той простой причине, что защита свободы слова и механизмов противодействия давлению на журналистов не входит в число настоящих приоритетов ВР и Кабмина.

Таким образом, украинская власть не только имитирует европейские реформы, но и провоцирует создание новых инструментов для давления на медиа и разоблачителей коррупции. Пожертвовав одной из базовых свобод ради политической мимикрии под требования Брюсселя, официальный Киев рискует окончательно дискредитировать саму идею евроинтеграции в глазах украинского общества и международных партнёров.

БИЛЕТ «НА ДОРАБОТКЕ»: КАК ОДЕССИТА ОСТАВИЛИ БЕЗ ОТСРОЧКИ ИЗ-ЗА ОШИБОК В «РЕЗЕРВ+»

Суд в Одессе засвидетельствовал: проблемы с госреестрами не оправдывают нарушение прав человека – даже когда речь идет о военно-учетном документе.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СБОЙ ИЛИ НАРУШЕНИЕ?

Если цифровой документ (зарегистрированный в госреестре «Резерв+») не соответствует бумажному аналогу, то краиним в таком случае рискует оказаться сам военнообязанный. Об этом свидетельствуют материалы Одесского окружного административного суда, который рассмотрел дело №420/31227/24.

Истец – лицо с инвалидностью II группы, обратился в местный территориальный центр комплектования и социальной поддержки. Мужчина хотел уточнить свои военно-учетные данные, как того требует законодательство. Однако вместо ожидаемой проверки неожиданно получил другую «услугу»: у него сразу же изъяли бумажный военный билет. Причем без какой-либо расписки, без акта и даже без объяснений.

Оказавшись в такой ситуации, одессит был лишен возможности подтвердить свой статус военнообязанного. Когда дело дошло до суда, представитель ТЦК и СП не смог предоставить доказательства того, что военный билет изъяли на законных основаниях. Более того, ответчик в письменных объяснениях признал: указанный документ «находится на доработке», поскольку выявлены расхождения между бумажной и цифровой версиями данных в государственном реестре «Резерв+». Однако никакой служебной записи, акта проверки или выписки из электронного учета так и не было предоставлено.

Суд отметил, что истец имеет инвалидность, то есть относится к военнообязанным с особым статусом. Такие лица, согласно Закону «О воинской обязанности и военной службе», не подлежат призыву во время мобилизации. Таким образом, отсутствие военно-учетного документа создает не только административные, но и социальные проблемы: невозможность

подтвердить свое право на отсрочку в государственных реестрах (во время проверок, например, при выезде за границу).

Во время рассмотрения этого дела ответчик в своих возражениях указал, что изъятие билета осуществлялось в рамках исправления технических расхождений – между бумажными и цифровыми записями. По логике ТЦК и СП, военно-учетный документ должен быть «временно изъят» до момента обновления данных в системе «Оберіг» и госреестре «Резерв+». Однако, по мнению судьи, такие объяснения выглядят неубедительно. В случае выявления расхождений уполномоченный орган обязан уведомить военнообязанного письменно и предоставить возможность для оперативного исправления обнаруженных ошибок или неточностей.

Как установил суд, ответчик лишь ссылался на технический сбой в системе «Резерв+», но не смог предоставить доказательств в подтверждение этих обстоятельств. В материалах дела отсутствуют какие-либо технические справки или служебные письма. К сожалению, должностные лица действовали вне пределов полномочий, определенных Положением о территориальных центрах комплектования и социальной поддержки (в соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины №154 от 23.03.2022). Такое бездействие привело к нарушению права истца на надлежащее ведение воинского учета. Обращая внимание на этот факт, Одесский окружной административный суд подчеркнул: военный билет является документом постоянного хранения, который принадлежит лицу, а не органу, его выдавшему. Поэтому изъятие без письменного оформления является противоправным.

ЦИФРОВЫЕ БАЗЫ И БУМАЖНЫЕ РЕАЛИИ

Рассматривая данное дело, суд выявил еще одно существенное нарушение со стороны ТЦК и СП: при письменном оформлении справки об отсрочке «ответчик не указал серию и номер военно-учетного документа – военного билета, который был

изъят ответчиком 15.07.2024 г. и не возвращен, что свидетельствует о недействительности такой справки». Как следствие, бездействие должностных лиц было признано противоправным: их обязали вернуть военный билет истцу, а также обеспечить внесение достоверных данных в электронные реестры в соответствии с бумажным документом.

Это дело, на первый взгляд, касается лишь одного военнообязанного, но на самом деле раскрывает гораздо более серьезную проблему, связанную с бумажными документами и цифровыми базами. В своем решении суд подчеркнул: наличие электронных ресурсов не отменяет обязанности государственных органов соблюдать требования по сохранению оригиналов документов и подтверждению их изъятия надлежащими актами. То есть ни одна компьютерная программа (даже самая удобная) не может заменить юридическую силу бумажного военного билета.

Описанное дело может стать ключевым решением для аналогичных споров с должностными лицами: любое вмешательство в право собственности на документ должно быть оформлено письменно.

Во-первых, если военный билет изъят без расписки или акта, это уже является основанием для обращения в суд. Во-вторых, цифровые системы «Резерв+» или «Оберіг» не имеют приоритета над бумажными документами, если их данные не совпадают. В-третьих, должностные лица не могут действовать по собственному усмотрению – их полномочия четко определены законодательством.

Решение Одесского окружного административного суда – это история не только о военном билете. Речь идет о конфликте интересов между человеком и бюрократами, которые часто забывают, что отображать реальные данные в госреестре – их прямая обязанность. Ни один чиновник не имеет права изымать личные документы без оформления актов, а цифровая система не может функционировать без уважения к бумажным оригиналам.

БРОНИРОВАНИЕ РАБОТНИКОВ: ЧТО ВАЖНО ЗНАТЬ О ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В Украине вступили в силу новые правила бронирования работников, внесенные законом №13335: отныне предприятия оборонно-промышленного комплекса и критически важных отраслей могут временно бронировать даже тех сотрудников, у которых отсутствует военный билет или имеются различные нарушения воинского учета, если они находятся в розыске ТЦК. Такой работник может быть оставлен на предприятии на срок до 45 дней — это время предназначено для урегулирования документов, снятия с розыска и постановки на воинский учет. Процедура стала более автоматизированной: заявки подаются через портал «Дія», а ТЦК больше не имеет права отказать, если сотрудник соответствует критериям. Но новые правила касаются только оборонной сферы; для других предприятий требования остались прежними.

Теперь работников, не состоящих на воинском учете или находящихся в розыске ТЦК, стало возможным временно бронировать, но только если они трудятся на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. Соответствующий закон недавно подписан Владимиром Зеленским, и он предполагает 45 дней для урегулирования статуса сотрудника: снятия с розыска и постановки на воинский учет.

Существенно обновилась сама процедура: теперь заявки на бронирование подаются через электронный портал «Дія», и внесение в специальный воинский учет происходит автоматически при условии соответствия всем требованиям. Центры комплектования (ТЦК) больше не имеют права самостоятельно отказать в бронировании, если работник соответствует критериям — официальное трудоустройство, наличие актуальных персональных данных и отсутствие нарушений учета. Технические ошибки и несоответствие данных по-прежнему могут привести к автоматическому отказу, но это уже не субъективное решение ТЦК, а формальный итог цифровой проверки.

Сложностью для компаний является то, что квалифицированных работников нельзя подать на временное бронирование, если они не стоят на учете или нарушили правила регистрации. Закон №13335 позволяет временную броню всего на 45 дней для работающих в оборонном и критически важном для экономики секторе Украины — за этот срок работник должен актуализировать свои данные и встать на учет. Для других предприятий данные послабления не действуют: сотрудники должны полностью соответствовать критериям ведения воинского учета, иначе заявку на бронирование подать невозможно.

Кроме того, для предприятий оборонного комплекса, расположенных в прифронтовой зоне, лимит на бронирование увеличили до 100% персонала — ранее разрешалось максимум 50%. Теперь, если компания признана критически важной и соответствует новым критериям Минобороны, она имеет право бронировать почти всех своих сотрудников, обеспечивая бесперебойную работу предприятия. Важно помнить, что эти изменения касаются

только оборонных и критически важных предприятий, все остальные действуют по прежнему жесткому регламенту.

Введение временного бронирования для работников оборонных предприятий — попытка украинских властей оперативно устранить дефицит кадров и не парализовать экономически важные сектора. Однако подход оказался фрагментарным: если ты «критически важен» для обороны, правила смягчаются; для всех остальных продолжают действовать прежние ограничения и бюрократические ловушки, которые не решают проблему в целом. Необходимость ускоренного урегулирования воинского статуса за 45 дней для многих остается формальностью, из-за которой так и не получается достичь баланса между интересами государства и нуждами бизнеса. В результате модернизация оборачивается сложными компромиссами, требованием работодателей и постоянными рисками для работников, чьи судьбы зависят больше от законодательных новаций, чем от стратегических решений государства.

Продолжение. Начало на ст 10,11

Мы настаиваем на том, что фундаментальные права и свободы как отдельного человека, так и медиа в вопросах распространения достоверной информации не могут быть нарушены. С другой стороны, каждый человек имеет такое же фундаментальное право на защиту от клеветы или диффамации. Убежден, что нам удастся найти баланс между этими правами и свободами», — говорит OBOZ.UA глава парламентского Комитета по вопросам гуманитарной и информационной политики Никита Потураев.

По его словам, сейчас продолжаются обсуждения документа с участием депутатов и экспертов при координации председателя Верховной Рады.

«Инициаторы законопроекта №14057 согласны с тем, что документ надо пересмотреть. В самое ближайшее время должна состояться встреча депутатов и медийщиков. Сейчас мы на этапе поиска компромисса», — говорит Ярослав Юрчишин.

Что интересно, законопроект о Гражданском кодексе — это уже вторая попытка усиления цензуры и «закручивания гаек» за последние три месяца. 16 июля был принят закон по обеспечению соблюдения гарантий адвокатской деятельности (председатели двух парламентских комитетов — антикоррупционного и свободы слова, выступили против, заявляя, что документ является новым инструментом давления на журналистов). Впрочем, закон все

еще не подписан президентом.

Законопроект №14057, инициированный группой депутатов Верховной Рады, наглядно иллюстрирует архитектуру новой украинской информационной политики, в которой приоритет защиты личной репутации, приватности и «права на забвение» замещает базовую ценность общества — свободу слова и беспрепятственный доступ к социально значимой информации. Принятие этого документа способно радикально изменить работу независимых медиа, усложнить расследования коррупции, превратить украинский общественный диалог в механизм самоцензуры, а граждан — в пассивных наблюдателей под угрозой судебных исков.

Автоматическое признание любой информации недостоверной, если она не подтверждена обвинительным приговором суда, лишает журналистов права рассказывать о фактах, раскрытых во время следствий, общественных расследований, гражданских инициатив — именно так раскрывались крупнейшие коррупционные схемы последних лет. Это норма позволяет чиновникам и публичным фигурантам навсегда «очистить» свою биографию до вынесения судебного вердикта, который в украинских условиях может не наступить вообще.

Право на забвение в текущей редакции — инструмент информационного уничтожения любого неудобного прошлого. Фигуранты скандалов полу-

чат возможности удалять даже достоверные публикации под предлогом их «неактуальности» для общества, при этом критерии актуальности законом не определены. СМИ обречены вести бесконечные судебные споры, перевешивать ответственность на юристов и рисковать собственным существованием.

Введение ответственности за субъективный «тон публикации» ведет к легализации давнего инструмента информационного давления: любое эмоциональное или критическое высказывание становится поводом для иска в украинских судах, а независимые репортеры или блогеры — постоянными мишениями для дискредитации. Речь идет не о защите человека, а о создании режима информационной стерильности, в котором картина мира формируется не реальными фактами, а бюрократически одобренной картиной «удобного» общественного интереса.

Особо тревожным выглядит игнорирование мнения отраслевых комитетов и медиа-экспертов при подготовке документа, что фактически выводит обсуждение за пределы прозрачных демократических процедур. Диалог с журналистами начался лишь в момент сильного общественного резонанса, а не при подготовке основного текста законопроекта — вновь проявляется привычная модель «реакции на скандал», а не превентивной законодательной дискуссии. Такой подход лишь усиливает недоверие к власти, снижает институциональную прозрачность и формирует новую реальность для общества, в которой важнейшие общественные функции сводятся к самозащите перед каждым новым иском.

Принятие №14057 в текущей редакции — это не шаг вперед к европейским стандартам, а попытка легализовать ограничения, характерные для авторитарных режимов. На повестке дня стоит не только защита чести и достоинства, но и фундаментальный вопрос: будет ли Украина страной, где контекст доступа к информации определяется законом, а не волей отдельных лиц и лобби? Последствия затрагивают всю архитектуру Украины, ведь ограничивая журналистскую деятельность сейчас, власть лишает страну будущего демократического развития и эффективной борьбы с коррупцией, а вместе с этим — теряет доверие общества и международных партнёров.

